

СЕРГЕЙ ЮРСКИЙ:
«Я ЛЮБЛЮ РОЗЫГРЫШИ»

Шутки юрского периода

«КАТАТЕЛЬНО ОЧЕПЯТОК»

О том, что в сборнике «Кто есть кто в России и ближнем зарубежье» я, Сергей Юрьевич Юрский, назван Сергеем Владимировичем, узнал лишь от «Крокодила». Но тем не менее уверен: опечатки вообще великая вещь, самое смешное, что просходит. И, как правильно заметил Фрейд, они всегда имеют подспудный смысл. Именно в описках и опечатках порой проявляется то, что человек хотел бы сказать на самом деле.

Думаю, одна из самых смешных острот Аверченко — это «катательно очепяток». Помните: трех редакторов усадили, корректоров, все дружно проверяли, и все равно на обложке книги появилось: «Энциклопудия».

Это все предисловие к тому, что я присутствовал при замечательной оговорке госпожи Фурцевой. Она выступала перед общественностью Ленинграда. Времена были более-менее свободные, ей задавали довольно острые вопросы. Но она отвечала в стиле: «Вот мы выслушали разные мнения. И такие мнения есть, и эдакие. Наверное, что-то неправильно, но есть и правильно». В общем, пыталась как-то утихомирить. И, уже складывая листы доклада, сказала: «Ну, дорогие товарищи, я надеюсь, что несмотря на некоторые разногласия — небольшие, частные, мы, конечно же, все уладим. И я хочу выразить уверенность, что будет развиваться и расти наша большая советская энциклопедия... э-э-э... интеллигенция!»

Я люблю розыгрыши, если они не носят злого характера. И сам занимаюсь ими постоянно, кроме Первого апреля. Потому что в тот день разыгрывают все кому не лень.

Итак, было время, когда актеры представляли собой совершенно другой слой населения, нежели чиновники. Это сейчас чиновники любят играть на гитарах и петь песни, а в те времена им вменялась в обязанность строгость мышления.

На этом строились какие-то нелепости. К нам в Ленинградский Большой драматический театр ходил в те годы человек из райкома партии, который был озабочен устройством какого-нибудь соцсоревнования в коллективе. Наши руководители действительно пытались что-то придумать, чтобы как-либо отделаться от него. Ну, например, спектакль выпустить на три дня раньше намеченного. Или, допустим, ждали один спектакль, но другой его перегнал и выпущен раньше первого. Короче говоря, сочиняли всякий вздор, чтобы только отписаться, «галочку» поставить.

Вот в этой обстановке мы с Олегом Басилашвили и Толей Гаричевым сидели в одной гримерной, знаменитой, надо сказать. Все ее стены и сводчатые потолки были исписаны автографами актеров и других знаменитых людей. Поначалу это казалось кому-то нарушением правил, но по мере того, как фамилий на стенах становилось все больше и больше, это узаконилось и приобрело характер традиции.

К нам в гримерную заглянул тот самый человек из райкома и сказал: «Сидите тут, безобразничаєте. А нет бы посоревноваться!»

Мы говорим: «А что?! Мы могли бы вызвать на соревнование другую гримерную, где Карнович-Валуа, наш почтенный актер, коллекционирует фотографии женщин. В основном знакомых, но их не столь много, тысяч четырнадцать. Ему же необходимо больше. Вот мы и можем посоревноваться».

Он задумался всерьез: «Ну, а как соревноваться-то?» — «А вот у кого больше — у нас подписей или у него фотографий».

Райкомовец скривился и собрался уж было уходить, но мы догнали его у самой двери: «Слушайте, вот есть очень интересное предложение об экономии электроэнергии» — «Каким образом?» — «Ну, очень просто. Когда мы гримируемся, перед зеркалом горят две лампы. Разумеется, выходя на сцену, мы их выключаем, но и без того тратим много света. Поэтому необходимо поставить счетчики во всех гримерных — сразу пойдет экономия. Конечно, когда непосредственно кладешь мазок грима, надо себя видеть и лампы должны гореть, нельзя же качество образа ухудшать. Но зато когда набираешь пальцем грим, свет не нужен! Вот на это время его выключаешь». Он говорит: «Та-ак...» — «Потом свет включаешь и мажешь как можно быстрее. А потом снова выключаешь и до-олго набираешь пальцем грим. И так далее».

Мы думали, что тот улыбнется. Но тот не улыбнулся. Он сказал: «Ну, ладно». А потом, я знаю, в райкоме серьезно изучалось «интересное предложение молодежи БДТ об экономии электроэнергии во время грима». Слава Богу, этот «великий почин» не нашел поддержки...

КАК АКТЕРЫ НАДУЛИ ПИТЕРСКОЕ РАДИО

Вот такую историю мы сочинили для радио. Стали распускать слухи, что, мол, в эпоху, когда все ищут что-то новое, мы с актерами обнаружили живой голос Пушкина.

Нам ответили, что это полный абсурд: «Как?! Голос Пушкина?!»

«А вот как. Дело в том, что у Пушкина был попугай. Эти птицы, как известно, живут

двести лет. И вот он научился говорить голосом Пушкина, выучил его диалог с Жуковским, когда тот случайно заглянул на квартиру к Александру Сергеевичу. Потом попугай попал в Германию, у него сейчас немецкая речь. Но если долго-долго слушать эту ахиною по-немецки, то замечаешь, как прорывается Пушкин. Диалог этот можно записать, убрать с помощью современной аппаратуры все лишнее и продемонстрировать по радио к дню рождению Пушкина».

На ленинградской студии радио этим очень заинтересовались. И дошло до того, что от нас потребовали попугая.

А ПЛЯТТ ХОХОТАЛ

Ростислав Янович Плятт любил смеяться и смешить людей. Руководство Театра имени Моссовета предложило мне поставить спектакль для Плятта к его семидесятилетию. Вместе с Пляттом мы поехали к драматургу С. И. Алешину, и я тут же прочел его новую пьесу «Журавль в небе».

Когда до юбилея Плятта и нашей премьеры 13 декабря оставалось еще два месяца, большая часть спектакля была уже «на ногах». Но дальше, как это часто бывает в театре, все пошло кувырком. Автор категорически не принял моих вставок. Изготовление декораций затягивалось. Все строение разваливалось.

В один из отчаянных дней я позвонил Плятту, чтобы ободрить его и от разговора с ним самому набраться какой-то бодрости. В трубке раздался хохот. Потом, с трудом сдерживая смех, Плятт сказал, чтобы я немедленно приехал к нему.

«Слушайте, С. Ю. (он звал меня по инициалам), вы знаете, что у меня в квартире большой ремонт. Поэтому я вас не приглашал все это время к себе. Но сегодня приезжайте. Посмотрите сами».

Бочка с олифой на лестнице, потеки извести и белил в передней. Свернутые ковры стоят колоннами, зажатые между столом и шкафом. Ободранные обои. Запах лака. Мебель со всей квартиры нагромождена в одной комнате. И из этого лабиринта, откуда-то из-за роюля и пачек книг, беспорядочно лежащих друг на друге, хохот Плятта: «Идите сюда, посмотрите, я сломал руку».

Все рухнуло: юбилей, сроки, спектакль. Плятт хохотал. И в этом была вовсе не истерика и не смех сквозь слезы. Это был смех человека, который умеет на свои беды посмотреть со стороны, как на пьесу или забавную кинокомедию.

А наш спектакль после долгих мытарств был с успехом сыгран в конце апреля...

Другая история про Плятта связана с другим спектаклем, который шел уже лет пять. Плятт играл там во всех трех актах, а партнер его — только начиная со второго.

Спектакль, видимо, надоел, и Ростиславу Яновичу, склонному к актерским хулиганствам, хотелось как-то побаловаться. И вот однажды он пришел в театр и приклеил себе большие украинские пышные усы. И так сыграл первый акт. Зрителям было все равно, они посчитали, что так и надо. Артисты немного посмеялись, а Плятт уговорил их молчать об этом.

Ко второму акту пришел его коллега, они сели гримироваться. Разумеется, Плятт загодя усы снял. Но перед самым началом второго акта тихонько их приклеил обратно и вышел на сцену.

Партнер, естественно, обомлел: только что сидел же без усов! А все вокруг спокойно, никто вроде не замечает... У партнера Плятта чуть истерика не началась.

Так Ростислав Янович посмеялся над человеческой инертностью мышления, привычкой к раз и навсегда заведенному порядку.

Эту и другие истории я слышал от Фаины Георгиевны Раневской по многу раз и даже напечатал их в своей книжке «Кто держит паузу?». Начала бывали разные. На этом я и ловился.

— Вы знаете, что такое актерская усталость? Когда душа износилась? Я вам рассказывала?

— Нет, нет, Фаина Георгиевна.

— Я две ночи стояла в очереди за билетами на Шаляпина... Я ведь боюсь сцены. Вы замечали?

— Нет.

— Боюсь. Я каждый раз заставляю себя выходить и страшно волнуясь. Однажды я видела, как испугался — и, знаете, кто? Я рассказывала вам.

— Нет, не рассказывали. Кто?

— Шаляпин. Я две ночи стояла в очереди за билетами в оперу Зимина, чтобы его послушать.

Я снова слушал знакомую историю:

— Я неудачница. А знаете, когда я это поняла? Очень давно. Я две ночи стояла в очереди, чтобы купить билет на Шаляпина в оперу Зимина. И купила билет в первый ряд. Я ждала начала. Я ждала его выхода. И вот — ОН. Очень близко от меня. И я вижу: у него страшно прекрасное лицо и страшно замученные глаза. Оркестр дает вступление, а он молчит. И потом посмотрел на все вокруг и сказал тихо и с трудом: «Не могу...» И ушел со сцены... Мне всегда не везло.

— Но ведь можно сказать и наоборот: вы видели то, чего никто не видел. Впечатление сохранилось у вас на всю жизнь.

— Пожалуй. И все-таки я хотела бы его слышать. И хотела, чтобы он не был таким усталым и одиноким.

Вторая история произошла тогда, когда Таирова лишили театра. Фаина Георгиевна рассказывала:

— Это было так несправедливо, и я так любила его, что плакала целые дни. Я так плакала, что друзья сказали мне наконец: «Фаина, ты заболела. Пойди к врачу». Я пришла к невропатологу. Невропатолог — старая армянка.

— На што жалюэтес?

— Я пла-а-ачу!

— Так. Давно?

— Уже неделю.

— Все уремя?

— Да. Все время.

— Почему плачитэ?

— Есть один прекрасный человек, и у него неприятности. Его так несправедливо обидели.

— Так. Как врач, я должна вас спросит... Сношения били?

— Что-о-о?

— Сношения били?

— Что вы! Нет, конечно! Это прекрасный человек, я молюсь на него.

— Так. Значит, обидели ему?

— Да. Его.

— А плачитэ вы?

— Да. Я.

— И сношения не били?

— Что вы! Нет!

— Так.

И тут она начала писать. Я взглянула и вижу: крупными буквами «ПСИХОПАТКА». Я засмеялась и не могла остановиться несколько дней. Друзья сказали: «Фаина, ты просто сошла с ума!»

ФЛИБЮСТЬЕР БОГОСЛОВСКИЙ

Думаю, что самым великим человеком в смысле розыгрышей является Никита Богословский. Вот классический розыгрыш, прошедший под его руководством в пятидесятые годы в связи со Всемирной выставкой в Брюсселе.

Примерно за год до выставки в кабинете одного из самых знаменитых и признанных наших писателей раздался звонок по телефону: «Вы знаете, что готовится выставка в Брюсселе? Сейчас утвержден проект зала советского павильона, там будет двенадцать ниш, и в каждой установят по бюсту наиболее великих представителей страны в области литературы и искусства. Комиссия вчера заседала и приняла решение, что одно из мест принадлежит вам. Я просто формально должен спросить: вы не возражаете?» — «Нет, нет, что вы!» — «Тогда, если можно, я зайду, чтобы вы подписали, что согласны». Пришел какой-то молодой человек, и бумага была подписана.

Через месяц опять звонок: «Это по поводу брюссельской выставки. Утверждено имя скульптора. Вы знаете такого Власенкова? Нет? Это молодой, хороший, реалистичный мастер. Я зайду, чтобы вы подписали, что согласны. Хотя, может, у вас есть свой скульптор?» — «Нет, что вы!» Подписал.

Снова звонок: «Извините, ради Бога. Вы же знаете тянучку нашу эту, бюрократизм этот...» — «Что случилось?» — «Ну, что-что! Выставка-то в определенные сроки проходит. А средства все еще не спущены. Пока-а переведут по статье... Если б вы могли начать позировать, а во-вторых, если бы могли пока сами оплатить ему работу...» — «А сколько?»

Назвали сумму, порядочную, но все-таки терпимую.

И вот начинается работа над бюстом. И наконец скульптор сдает герою бюст: «Вот он, готов!» Тот расплачивается и забирает работу.

Ему звонят: «Сделали? Ну, спасибо! Бюст сейчас у вас? Ну и замечательно. Теперь вопрос доставки, заедут, заберут».

Наконец месяц до выставки. Звонит человек: «Извините, ради Бога, машина сломалась. Вы не могли бы лично подвезти бюст к Белорусскому вокзалу? Там будут встречать у первого вагона берлинского поезда и заберут, чтобы отправить в Брюссель».

Писатель с собственным бюстом, завернутым в бумагу, является на вокзал. Никто его не встречает. Но, к своему удивлению и недоумению, видит знакомого композитора, который вышагивает с большим пакетом. Они оборачиваются и видят третьего. Их собирается двенадцать человек с бюстами. И у них хватает ума понять, что произошло.

Это великая комедия, в которой добро победило зло: молодому скульптору дали поработать, а тщеславию было наказано.

«НИКАКОГО ЮРСКОГО НЕ БЫЛО»

В моем первом телевизионном фильме «Фиеста» снимался Миша Барышников, который вскоре бежал за границу. Картина и без того продвигалась с трудом, находясь как бы под полузапретом, а тут ее судьба совершенно четко определилась. Мы разъезжались на ле-

то огорченные. Любимые мною Миша Волков и Гриша Гай сказали на прощание: «Будешь во Львове — заходи. Мы снимаемся там. Нас просто найти: Львов — гостиница «Львов».

И все. С какой стати я буду во Львове? Я не собирался туда тем летом.

Но вдруг мы с женой получили приглашение от наших друзей из Венгрии, решили ехать, оформились. Я смотрю расписание поезда и вижу: «Львов. Стоянка три часа». Пока сутки ехали от Ленинграда, я составил план. И вот — Львов. В пять утра выскочил из поезда в город, купил две бутылки пива, взял 20 форинтов из обмененных денег и на такси мчусь в гостиницу «Львов».

Миша Волков отпер дверь заспанный, долго не мог понять — кто, что. А я совершил то, что задумал: проскочил в номер, начал стремительно передвигаться (тот со сна меня даже взглядом терял). И быстро-быстро говорю: «Нам опять открыли картину «Фиеста». Разрешили доснять сцены на натуре, в Венгрии. Я приехал с группой, оператором. Сейчас едем в Венгрию, потом я вернусь и заберу вас с Гришей. Пока вот тебе две бутылки пива и хоть немного денег». Я положил купюру в ящик стола. И исчез. Миша Волков потом засыпает. Утром их будят на съемку, за Мишей заходит Гриша Гай, а тот спрашивает:

— К тебе Сережа заходил? Юрский?

— Нет. А что, он здесь?

— Да. Вот пиво оставил.

— Ты сам, наверное, пиво купил.

— Да не покупал я!

— Тебе приснилось, наверное.

В общем, они пришли к выводу, что никакого Юрского не было. Миша открыл ящик стола, чтобы взять документы, а там 20 форинтов!

Сейчас-то это не производит впечатления, а тогда любая иностранная деньга, тем более появившаяся в руках ни с того ни с сего, вызывала священный трепет и чувство большой тревоги. И когда они увидели деньги, началось колыхание сердец.

Воображая, как все было дальше, я прямо-таки наслаждался. Успокоила их только моя телеграмма из Венгрии.